

РЕЦЕНЗИИ. ПОЛЕМИКА. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

А. В. Чернецов

ДРЕВНЕРУССКОЕ ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ В ЕВРАЗИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ. ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НУМИЗМАТИКИ

(по поводу публикации монографии: Бауер Н. П. История древнерусских денежных систем IX в. — 1535 г. / Под ред. П. Г. Гайдукова. М.: ООО «Русское слово — учебник», 2014. — 816 с.)¹

*Рукописи не горят!
Михаил Булаков*

История науки в России не всегда представляет собой ясную картину. Дело не только в том, что ее поступательное развитие могло порой изменять направление под влиянием идеологических установок. Линия развития могла не только искривляться, но и прерываться, превращаться в пунктир. Это происходило в тех случаях, когда подвергались преследованиям те или иные научные направления, авторы, книги. В условиях советской действительности преследования могли означать не только запрет печатать труды опального исследователя и ссылаться на них, но также и арест, длительную ссылку и даже физическое уничтожение ученого.

Толчком к написанию этой статьи послужила сильно запоздавшая публикация рукописи докторской диссертации крупнейшего российского нумизмата Н. П. Бауера (1888–1942) «История древнерусских денежных систем IX в. — 1535 г.», защита которой не состоялась по причине ареста и последующего расстрела автора.

Издание опубликовано под грифом Института археологии и Института истории материальной культуры РАН и Государственного Эрмитажа в рамках серии «История русской науки. Исследования и материалы. II». Книга подготовлена и опубликована при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Значительную часть типографских расходов взял на себя Ж. Бодон (Франция).

Посмертная публикация крупной работы автора, оказавшегося жертвой сталинских репрессий, чей вклад в науку долгое время замалчивался, стала возможной благодаря грандиозным переменам, произошедшим в нашей стране за последние десятилетия, переменам, которые наложили свой отпечаток, в частности, на жизнь и деятельность академического и профессорско-преподавательского сообщества.

После 1956 г., а реально в 1970–1980-х годах, в результате весьма ограниченной либерализации, связанной с последствиями так называемой «оттепели», в России передовыми интеллектуалами был осуществлен значительный прорыв в области гуманитарных наук, открывший перед исследователями альтернативные направления и возможности.

Казалось бы, окончательное снятие с гуманитарной науки идеологических уз в эпоху перестройки должно было вызвать очередной подъем более крупного масштаба. Этого, однако, пока не произошло, что само по себе может рассматриваться как весьма любопытный культурно-исторический феномен.

¹ Статья подготовлена в рамках работы по программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность» (проект «Русь и народы евразийских степей в X–XVII вв. по данным археологии»).

Данную, в целом невеселую, картину несколько оживляет достаточно яркий и заметный позитивный штрих. В наше время оказалось возможным издание в России неопубликованных или опубликованных за рубежом, нередко на иностранных языках, исследований отечественных, в том числе репрессированных, ученых, а также тех, кто оказался в эмиграции. В своей совокупности подборка уже опубликованного переизданного и переведенного за последние десятилетия на сегодняшний день представляет собой весомый вклад в российскую науку и культуру. При этом необходимо иметь в виду, что опубликованное представляет собой пока всего лишь «верхушку айсберга».

Напомню, что фундаментальная работа крупнейшего российского и советского этнолога и диалектолога Д. К. Зеленина (1878–1954) по восточнославянской этнографии, долгое время известная специалистам только в германоязычной версии [Zelenin], была впервые издана по-русски лишь в 1991 г. [Зеленин]. И это при том, что значение вышеупомянутого основополагающего труда признавалось официальной советской наукой, что послевоенные годы были отмечены патриотическим подъемом. Д. К. Зеленин, пользовавшийся заслуженным исключительно высоким научным авторитетом, благополучно дожил свой век в СССР. Русскоязычный оригинал его монографии не сохранился, и ее пришлось переводить заново. Издатели не постеснялись изменить название книги и придали ему более «политкорректный» вид («Восточнославянская этнография»). Между тем подобные манипуляции с названиями книг покойных исследователей недопустимы (поскольку авторы уже не могут обсуждать правомерность изменения названия). Больше повезло первому русскому изданию замечательной книги финского слависта В. Мансикки (1884–1947) «Религия восточных славян», опубликованной в 1922 г. по-немецки [Mansikka]². Дело в том, что автор, прекрасно владевший русским языком, написал ее первоначально по-русски и эта рукопись сохранилась и была использована при подготовке издания.

Не совсем понятно, как быть с чрезвычайно объемным наследием окончившего жизнь в эмиграции крупнейшего исследователя античности и скифских древностей М. И. Ростовцева (1870–1952), которое, в силу различных обстоятельств, публиковалось на разных языках³. Фигура, без сомнения, вполне заслуживает переиздания всех его сочинений на русском языке. Между тем его важнейшие фундаментальные труды, опубликованные по-русски, посвященные памятникам античной декоративной живописи Юга России, представлениям о монархической власти, бытовавшим у скифов и в Боспорском царстве, богатейшему сарматскому погребению, обнаруженному на Южном Урале, известная монография «Скифия и Боспор» представляют собой библиографические редкости и, соответственно, труднодоступны. Капитальное исследование М. И. Ростовцева о римском колонате было еще в дореволюционное время опубликовано только на немецком языке. Но большая часть работ исследователя была напечатана по-английски. Это его фундаментальные исследования социально-экономической истории птолемеевского Египта и Римской империи, скифского декоративного звериного стиля, наконец, материалов работ американской экспедиции в Дура-Европос.

В современной России неохотно дают деньги на переводы научных книг. Считается, что продвинутые интеллектуалы обязаны быть полиглотами. Но переводы важнейших иноязычных научных работ нужны в первую очередь не выдающимся исследователям, а рядовым научным работникам и молодежи. Именно им на примере того же М. И. Ростовцева стоило бы показать, какими могут быть размах и уровень деятельности вершинных фигур в области гуманитарных наук. А для этого нужна возможность ознакомиться с полным объемом наследия ученого на одном (родном для него) языке. Отдельные работы М. И. Ростовцева, в том числе его крупные публикации, время от времени появляются в русском переводе (см., например: [Ростовцев]). К сожалению, этот процесс развивается очень неспешно (для наследия ученого такого ранга эти темпы явно недостаточны).

По ряду причин большая часть научных работ, изданных Н. П. Бауером при жизни, вышла за рубежом, на немецком языке. Между тем в большинстве из них рассматриваются древнерусские материалы. В настоящее время становится очевидным, что Н. П. Бауер был исключительно крупной и яркой фигурой в отечественной науке. В этой связи возникает ответственная и достаточно трудоемкая

² Русскоязычное издание: [Мансикка]. И в этом случае издатели сочли возможным внести изменение в название книги. В нем было опущено слово «Quellen» («источники»), важное для понимания замысла автора. См. рецензию на русскоязычное издание: [Чернецов, 2006].

³ См.: [Зуев]. В том же издании библиография публикаций ученого.

задача по переводу и публикации его немецкоязычных работ на русском языке. Можно надеяться, что после публикации основного труда его жизни это станет возможным.

Со времени подготовки Н. П. Бауером опубликованной в рецензируемом издании рукописи диссертации уткло много воды; материалы по теме исследования, окончательно дорабатывавшегося в блокадном Ленинграде, сегодня значительно пополнились, появились новые публикации, многие из которых в значительной мере перекрывают достижения, отраженные в работе. Авторы некоторых из них не знали о том, что рукопись этого фундаментального исследования уцелела, или не посчитали возможным и нужным ее разыскивать.

Одна из посмертных публикаций нумизмата, в которой сжато изложены основные положения его главного исследования, была напечатана под чужим именем [Романов]⁴ (с. LXV). Этот позорный эпизод издательской деятельности Академии наук СССР не был связан с намерением ученого, согласившегося поставить свою фамилию под текстом, написанным другим, присвоить себе чужие лавры. В данном случае вина за это преступление (нарушение авторского права, отягощенное подлогом) падает на сталинский режим, наложивший запрет на упоминание имени репрессированного исследователя, и на отслеживавшее его соблюдение цензурное ведомство тех времен.

Николай Павлович Бауер был нумизматом с необычайно широким кругозором. Первоначально он выступал в роли специалиста по западноевропейским монетам (причем не только средневековым). Вместе с тем он профессионально ориентировался и в античной, и в византийской нумизматике. Одна из первых публикаций Н. П. Бауера посвящена китайским серебряным платежным слиткам с иероглифическими надписями (с. 598, № 4). Но главной темой его жизни стали денежные системы Средневековой Руси. Поскольку здесь в течение длительного периода обращались монеты чужеземного чекана, Н. П. Бауеру приходилось углубляться в проблематику нумизматики восточной (имея дело не только с чеканом халифата и Золотой Орды, но и с монетами сасанидских царей), изучать клады западноевропейских денариев и пражских грошей, а также денежно-весовые системы периода хождения серебряных слитков и запутанный вопрос об использовании меховых ценностей в роли платежных средств. Н. П. Бауер был первоклассным музейным нумизматом, хранителем и каталогизатором. И вместе с тем (в отличие от большинства современных профессиональных нумизматов) он был не просто нумизматом, а нумизматом-историком, нумизматом-гуманитарием. В ходатайстве о помиловании, написанном Н. П. Бауером перед расстрелом, он называет себя «последним нумизматом в области русской истории» (с. LXIII). Я бы скорее, переставив слова, назвал его «историком в области русской нумизматики».

Задолго до того, как Н. П. Бауер был последний раз арестован и затем расстрелян, он находился под подозрением, что сказывалось на его служебной и научной карьере и на судьбе его научных работ. Определенные основания для этого (по меркам той эпохи) были налицо. Это и кратковременное членство в кадетской партии, и эпизодическая служба в ОСВАГе (осведомительном агентстве) при Добровольческой армии, и его плохо скрываемое неприятие советской власти. Все это в условиях современной российской действительности давно потеряло какую-либо актуальность. Нас Н. П. Бауер интересует как исследователь, мы должны вернуть ему место в отечественной историографии, оценить масштаб его вклада в науку. Все же необходимо отметить, что с большим опозданием смертный приговор военного трибунала 1942 г. в отношении Н. П. Бауера был отменен Верховным Судом РСФСР в 1989 г. за отсутствием состава преступления (с. V).

Печальная судьба научного наследия Н. П. Бауера, конечно, во многом была обусловлена его драматической биографией и репутацией политически неблагонадежного человека. К этому, судя по ряду свидетельств, следует добавить его склонность к конфликтам с сослуживцами и начальством. Не менее существенным фактором было то обстоятельство, что избранное ученым направление исследовательской деятельности также попало в число опальных, во всяком случае, не находивших необходимой поддержки.

Причины, по которым нумизматика фактически стала опальной наукой, с трудом поддаются рациональному объяснению. Казалось бы, наука, изучающая денежное обращение, должна представлять живейший интерес для марксистов, с их учением о примате экономического фактора. Право чеканки монеты (монетная регалия) напрямую связывает государственную власть с экономикой, что также, на первый

⁴ Издание было удостоено Сталинской премии 1952 г.

взгляд, должно было привлечь внимание марксистов к нумизматике. Но власти дум в формировавшейся советской исторической науке тяготели преимущественно к политизированной журналистике, тогда как специальные (так называемые вспомогательные) исторические дисциплины были им и их высоким покровителям глубоко чужды. Необходимо также иметь в виду, что, согласно марксистской концепции, феодализм был эпохой господства натурального хозяйства. Денежное обращение того времени, чеканка монеты нарушали чистоту картины, выпадали из складывавшейся упрощенной социологической схемы. На обывательском уровне нумизматика ассоциировалась с образом богатого коллекционера-дилетанта. Свою роль играло обилие среди известных нумизматов представителей аристократии, в том числе великих князей. Сравнивая роскошные предреволюционные нумизматические издания с их качественными фототипическими таблицами с нумизматическими публикациями последующих десятилетий, можно наглядно убедиться в том, насколько резко понизился в рассматриваемые годы рейтинг этой науки.

Из переписки Н. П. Бауера мы узнаем о его неоднократных неудачных попытках опубликовать ту или иную научную работу на родине. При этом его квалификация как специалиста позволяла ученому посылать свои работы в ведущие зарубежные нумизматические издания, а прекрасное владение немецким языком — направлять их преимущественно в немецкие и австрийские издательства. Однако после 1935 г. эти связи прерываются. У Н. П. Бауера принимали, как правило, небольшие работы, в частности значительную подборку словарных статей. Но иногда в немецкой периодике появлялись его крупные работы, по существу, монографии. Две из них представляют собой предварительные варианты основных, наиболее оригинальных разделов его незащищенной диссертации. Одна из них посвящена кладам и находкам западноевропейских монет в Восточной Европе [Бауер, 1929–1930; Бауер, 1935], вторая — денежным слиткам [Бауер, 1929–1931]. И та и другая работы из-за значительного объема не помещались в одном выпуске немецкого и австрийского журналов (одна была опубликована в двух, а другая даже в трех номерах).

То обстоятельство, что диссертация Н. П. Бауера не была защищена и своевременно опубликована, судьба других его разработок, которые или не были напечатаны, или отразились в печати в предельно кратком варианте, или затерялись в зарубежной периодике, способствовало тому, что его место в истории науки не было и не могло быть оценено объективно и в полной мере. Очевидно, что в случае знакомства В. Л. Янина с диссертацией Н. П. Бауера при работе над книгой «Денежно-весовые системы русского средневековья» (М., 1956) она должна была бы иметь другой вид, учитывать достижения предшественника, включать полемику с ним. То же касается книги В. М. Потина «Древняя Русь и европейские государства в X–XIII вв. Историко-нумизматический очерк» (Л., 1968) и работы В. В. Кропоткина «Клады византийских монет на территории СССР» (М., 1962). Еще одна книга, написанная по стопам капитальных разработок Н. П. Бауера, не вошедших в состав рукописи его диссертации, — исследование И. Г. Спасского «Талеры в русском денежном обращении 1654–1659 гг.» (Л., 1960). Специалистам не нужно говорить о том, что перечисленные выше книги, которых могло не быть, если бы разработки Н. П. Бауера были своевременно и полноценно опубликованы, относятся к числу фундаментальных основополагающих достижений российской нумизматики, а имена их авторов — к числу наиболее авторитетных.

Столь сильно запоздавшая публикация не защищенной некогда диссертации с неизбежностью ставит вопрос о научном приоритете. В научной среде он связывается не с датой первой фиксации в рукописи, а с датой первой публикации или успешной и утвержденной защиты диссертации. Что же нового вносит в современную науку публикация рукописи, завершенной в 1942 г.? Несомненно, много нового в историю науки 30–40-х годов прошедшего столетия. А как обстоит дело с вкладом в современную нумизматику? Или дело только в том, чтобы восстановить доброе имя незаслуженно забытого автора (хотя это тоже немало)? И еще один неизбежный вопрос: как в наше время следует подходить к публикациям подобных рукописей? Насколько они нуждаются в дополнительных сносках, комментариях и каких? Какие могут и должны быть приложения?

Обратимся к содержанию книги. Прежде всего, рассмотрим содержание рукописи диссертации Н. П. Бауера.

Рукопись сохранилась в трех машинописных копиях, одна из которых была подвергнута довольно значительной авторской правке и дополнениям. Именно она совершенно справедливо принята

подготовившим публикацию П. Г. Гайдуковым за основу. Изменению подверглось даже название работы. Первоначально оно звучало как «История древнерусского денежного обращения». Работа состоит из четырех глав и заключения. Глава I озаглавлена «Историографический очерк». Глава II — «Обращение иностранной монеты и русский древнейший чекан (конец VIII — начало XII в.)». Глава III — «Безмонетный период на Руси и обращение слитков». Глава IV — «Русские денежные системы времени собирания Руси вокруг Москвы (вторая половина XIV в. — 1535 г.)». После заключения в правленном автором экземпляре помещено приложение в виде таблицы «Древнерусские денежные единицы, встречающиеся в памятниках письменности... (по векам и годам)». По-видимому, эта таблица была приложена к основному тексту на самом позднем этапе работы над рукописью. К тексту примыкают 11 фототаблиц, на которых представлено 127 воспроизведений монет и денежных слитков, а также 11 карт.

При рассмотрении текста рукописи Н. П. Бауера необходимо учитывать его предысторию. Первоначально автор, вероятно, предполагал, что для защиты диссертации сможет ограничиться опубликованным по-немецки исследованием «Русские находки западных монет XI—XII вв.», в связи с чем напечатал его автореферат на русском языке в 1935 г. [Бауер, 1935]. После неудачи этой попытки ученый решает охватить русскую нумизматику всего «доцарского» периода. После увольнения Н. П. Бауера в 1938 г. из Эрмитажа, начала войны и вскоре последовавшей блокады Ленинграда вопрос о защите диссертации в конце концов становится для него вопросом выживания.

Для создания широкого историко-нумизматического полотна у Н. П. Бауера имелись значительные наработки. Это его исследования находок на древнерусской территории западноевропейских и византийских монет, систематизация денежных слитков, анализ денежных единиц, фигурирующих в Русской Правде и других письменных источниках, участие в оживленной полемике, связанной с атрибуцией древнейших русских монет. Важным подспорьем при создании крупного обобщающего труда был многолетний преподавательский опыт Н. П. Бауера, читавшего лекционные курсы по нумизматике. В результате им был создан замечательный труд, в котором отразились его исследовательский талант, исключительная эрудиция и основательное знакомство с важнейшими нумизматическими собраниями. При этом, как и всякая крупная работа, автор которой стремится «объять необъятное», рукопись Н. П. Бауера не лишена недочетов. Не все разделы книги могут быть безоговорочно оценены как исследовательские и в полной мере оригинальные. Перед нами все-таки рукопись диссертации, а не полностью подготовленная для публикации и окончательно отредактированная автором книга. Порой чувствуется поспешность, негативное влияние стесненных обстоятельств. Книга не свободна от стилистических погрешностей, встречаются неточности в справочно-библиографическом аппарате.

Н. П. Бауер совершенно справедливо полагает, что при столь широкой постановке проблемы автор обязан включить в исследование обширный историографический обзор. Хотя бы для того, чтобы четко отделить свои открытия и уточнения от того, что было сделано его предшественниками. И он действительно предлагает читателю весьма объемный материал, подробно останавливается на достоинствах и недостатках рассматриваемых работ. Лично я узнал из его историографического раздела много ранее мне неизвестного и весьма полезного, как фактов, так и подробностей.

Все же в этом разделе наличествуют некоторые недочеты. Общеизвестно, что нумизматика вначале была занятием дилетантов-коллекционеров, и на раннем этапе ее развития (да и не только на раннем) наследие связей с этим миром достаточно отчетливо отражалось в научных трудах. Между тем Н. П. Бауер не пишет о собирателях монет, живших в допетровское время (а такие были), мало сообщает о формировании крупных частных собраний и о посвященных им публикациях.

Значительное внимание уделяется им известному автору екатерининских времен И. Н. Болтину (1735—1792). Но фигура, полемика с которой заставила генерал-майора Болтина обратиться к историческим темам, — Н.-Г. Леклерк (1726—1798), автор «Истории древней Руси, физической, моральной, гражданской и политической» (1783) [Le Clerc N.-G.], которая вызвала неудовольствие императрицы, не привлекла внимания Н. П. Бауера. Между тем в этой книге имеется раздел, посвященный русской нумизматике («*Historia numismatica Imperii Russici*»), включающий 5 таблиц с изображениями 177 русских монет XIV—XVII в. Естественно, что книга Н.-Г. Леклерка (отсутствующая в библиографических списках, завершающих издание) могла быть весьма несовершенной в научном плане, а изображения монет — некачественными или даже фантастическими, но для XVIII в., и тем более для

иностранный автор, такое количество изображений русских монет представляет собой заметное явление, так что книга вполне заслуживала упоминания в обзоре Н. П. Бауера.

Н. П. Бауер излишне подробно останавливается на многочисленных дилетантских нумизматических публикациях XVIII—XIX в. и на содержащихся в них вздоре и нелепостях, можно сказать, смакует их. В противоположность исключительно подробным историографическим данным о русской нумизматике XIX в. Н. П. Бауер предельно скупно характеризует советскую эпоху. По-видимому, она не включалась в историографические разделы читанных им курсов. Возможно, он не считал допустимым публично высказываться о своих современниках. Может быть, опасался, что в его оценках будут искать политический подтекст. Так или иначе, в диссертации Н. П. Бауера оказался скомканным именно тот раздел историографии, который мог стать наиболее интересным для потомков.

На с. 70 находим редкий для трудов Н. П. Бауера комплимент советской эпохе: «С учреждением в 1919 г. Комиссии (затем Секции) нумизматики и глиптики при РАИМК были созданы столь благоприятные условия для изучения нумизматики (речь идет прежде всего о возможностях учета находок кладов. — А. Ч.), о которых в предыдущее время невозможно было даже мечтать». Из дальнейшего текста рукописи выясняется, что эти благоприятные условия сохранялись весьма недолго: «1929—39 гг., за исключением немногих проблесков на местах, является снова безвременьем в отношении регистрационной работы над монетами» (с. 87).

Глава, посвященная хождению на Руси иноземной монеты и древнейшим монетам русских князей, начинается с рассмотрения феномена обращения дирхамов арабского халифата. Н. П. Бауер выступает как убежденный сторонник датировки кладов по позднейшей монете и справедливо считает крайне маловероятным значительный хронологический разрыв между чеканкой этой монеты и сокрытием клада. Сейчас эта точка зрения является практически общепринятой, но при жизни Н. П. Бауера против нее нередко выступали даже некоторые выдающиеся нумизматы. Мысль Н. П. Бауера о том, что в основе изначальной денежно-весовой и счетной системы, отраженной в Краткой Правде, очевидно, должен был находиться дирхам, самая распространенная монета, имевшая хождение на Руси в конце VIII — начале XI в., представляется неоспоримой. В разделе о находках на древнерусской территории византийских монет Н. П. Бауер справедливо указывает, что они здесь встречаются несравненно реже, чем дирхамы, и не могли иметь важного значения в денежном обращении.

Вполне вероятно, что «восточный» раздел рукописи Н. П. Бауера был бы не столь подробным и капитальным, если бы не одно обстоятельство, которое трудно назвать благоприятным. В 1934 г. был арестован коллега Н. П. Бауера по Эрмитажу Р. Р. Фасмер (1888—1938), крупный исследователь восточных монет, кладов, топографии находок. Пока Р. Р. Фасмер не был вырван силой обстоятельств из научного сообщества, Н. П. Бауер едва ли решился бы на создание масштабного очерка истории обращения дирхама на Руси. При подготовке обобщающего труда он мог ограничиться кратким обзором этого сюжета и написать, что поступает так потому, что над монументальным трудом по данной теме работает другой специалист. Но когда место, которое занимал Р. Р. Фасмер, опустело, Н. П. Бауер уже не мог отговариваться тем, что данный раздел нумизматики закреплен за другим исследователем. Он был по существу вынужден заполнять образовавшуюся брешь и, во многом опираясь на работы Р. Р. Фасмера, создавать масштабную динамичную картину обращения дирхама. После того как Н. П. Бауера после увольнения из Эрмитажа приняли в 1939 г. на работу в ИИМК и поручили написание раздела «Деньги и денежное обращение» для «Истории культуры Древней Руси», эта задача оказалась составной частью его служебных обязанностей. Ученому удалось «расслоить» более чем двухсотлетний период хождения на Руси восточных монет на предельно короткие хронологические отрезки. Н. П. Бауер сумел это сделать благодаря тщательному анализу комплексов кладов и своему передовому подходу к их изучению. Исследователю в данном случае благоприятствовал и сам материал — ведь надписи на дирхамах, как правило, включают не только имя правителя, но и год чеканки.

Дирхамы не были в Восточной Европе всего лишь экзотическим импортом, перенесенным из стран, являвшихся в те времена наиболее передовыми в цивилизационном отношении. Здесь появляются варварские подражания монетам халифата, часть из которых, очевидно, изготовлялась на Руси. По образцу куфических дирхамов чеканятся монеты в Хазарском каганате и Волжской Булгарии. Существует подражание саманидскому дирхаму начала X в., несущее дополнительное христианское изображение

(голова хищной птицы, увенчанная крестом), которое на основании достаточно серьезных аргументов связывают с правлением княгини Ольги [Kovalev].

Раздел, посвященный древнейшим русским монетам, современному читателю-нумизмату может показаться ничем не примечательным. Сейчас ясно, что эта эмиссия была очень непродолжительной и, очевидно, представляла собой неудавшийся экономический эксперимент (возможно, отчасти подпитывавшийся политическими амбициями). В сущности, к такому выводу подводил нумизматов еще И. И. Толстой (1858–1916). Однако часть исследователей такая версия не удовлетворяла. Они стремились продлить период чеканки собственной русской монеты, перенести его на эпоху экономического и политического подъема Руси, в частности, переадресовать все монеты Владимира Святого или их часть Владимиру Мономаху. К сожалению, к подобным сомнительным спекуляциям приложил руку такой замечательный нумизмат, как А. В. Орешников (1855–1933), внесший большую путаницу в изучение древнейших русских монет и в типологию знаков Рюриковичей. Необходимо отметить, что Н. П. Бауер должен был отстаивать свою точку зрения (в целом совпадавшую с мнением И. И. Толстого) в острой полемике с А. В. Орешниковым, к которому он относился с исключительным почтением и неоднократно обращался за поддержкой. Расхождения в данном случае усугублялись тем, что обе стороны по-разному смотрели на проблему датировки монет из кладов (что было принципиально важно для атрибуции древнейших русских монет). Время показало, что по двум кардинальным вопросам нумизматики прав был Н. П. Бауер, а не А. В. Орешников. Опубликованная в 1927 г. на русском языке статья Н. П. Бауера о древнейших русских монетах, по словам П. Г. Гайдукова, «поставила точку в дискуссии, длившейся... почти полвека» (с. XVIII)⁵.

Нельзя сказать, что Н. П. Бауер всегда высказывал непогрешимые суждения по поводу древнейших русских монет. Крайне сомнительно его допущение, что часть из них могла чеканиться второстепенными князьями (с. 170). Странно звучит и его мнение, согласно которому сребреники Ярослава не являются монетами (с. 165, 166). Качественная высокая резьба штемпеля, явно не рассчитанного на чеканку значительной серии экземпляров, свидетельствует только о том, что эмиссия была весьма ограниченной (предстоящий окончательный провал попытки завести собственную монету, очевидно, был уже осознан). По-видимому, чекан Ярослава носил характер политической демонстрации. По общему смыслу картина получается в принципе сходной с тем, о чем писал Н. П. Бауер. Но надпись «ярославле серебро» надежно связывает рассматриваемые объекты с нумизматикой и денежным обращением.

Проблематика древнейших монет тесно связана с таким специфическим вопросом, как назначение и систематизация княжеских лично-родовых юридических знаков (так называемых «знаков Рюриковичей»). Ко времени работы Н. П. Бауера над рукописью наиболее полная сводка этих знаков, включающая их сравнительный анализ и обзор чрезвычайно широкого круга аналогий, а также подробнейшую историографию вопроса, была опубликована Н. П. Лихачевым (1862–1936) во втором выпуске его «Материалов по истории византийской и русской сфрагистики» (Л., 1930, глава «Печати с изображением тамги или родового знака»). Накануне выхода в свет этой замечательной книги ее автор был арестован и тираж публикации не распространялся. Однако до ряда крупных специалистов она все же дошла (например, до А. В. Арциховского). Скорее всего, дошла она и до Н. П. Бауера, который был хорошо знаком с автором и продолжал поддерживать с ним связь, когда тот находился в ссылке. Дальнейшая историографическая судьба работы Н. П. Лихачева складывалась неоднозначно. Б. А. Рыбаков, автор известной статьи «Знаки собственности в княжеском хозяйстве» [Рыбаков], по-видимому, не знал о существовании соответствующего крупного раздела (более половины выпуска) в исследовании Н. П. Лихачева. Таким образом, в силу воздействия, исходившего из вненаучных сфер (табуирование имен и публикаций репрессированных авторов), искажалась преемственность историографической традиции, затемнялся вопрос о приоритете. Это обстоятельство имело весьма существенные негативные последствия, поскольку вопрос о семантике и типологии рассматриваемых

⁵ На самом деле дискуссия не кончилась. А. В. Орешников опубликовал свою критическую рецензию на статью Н. П. Бауера [Орешников]. Н. П. Бауер не имел возможности печатно ответить на критику, поскольку рецензия была опубликована в эмигрантском издании, попавшем в «черный список», составлявшийся советскими цензорами. Научная полемика была продолжена в форме частной переписки. «Победа» Н. П. Бауера над А. В. Орешниковым прошла мимо Б. А. Рыбакова, который в статье о княжеских знаках, опубликованной в 1940 г., по-прежнему принимает атрибуцию древнейших монет, предложенную А. В. Орешниковым (см. ниже).

знаков является чрезвычайно сложным и дискуссионным. Ситуация с наследием Н. П. Лихачева по существу предвосхищала судьбу главного творения Н. П. Бауера. Н. П. Лихачеву было возвращено его законное место в истории науки благодаря публикациям В. Л. Янина. В настоящее время оба тома «Материалов» Н. П. Лихачева переизданы и доступны специалистам [Лихачев].

Н. П. Бауер не исключал из текста своей рукописи имен репрессированных авторов, в частности Н. П. Лихачева и Р. Р. Фасмера. Отчасти его смелость может объясняться маргинальным положением нумизматики на тогдашнем академическом небосклоне. Но на второй том «Материалов» Н. П. Лихачева Н. П. Бауер не ссылается. Точнее, один раз ссылается на корректурные листы (с. 146, примеч. 2). Я думаю, что этот том был ему известен и даже имелся в его библиотеке. Но сослаться на «арестованный» тираж считалось, вероятно, недопустимым, с точки зрения академической бюрократии. Можно предположить, что и сам Н. П. Бауер не считал возможным многократно сослаться на книгу, тираж которой не распространялся и не был доступен исследователям. В результате современный ученый, вовлеченный в изучение данного вопроса, должен заниматься кропотливым сравнительным анализом соответствующих разделов в работах обоих авторов. Н. П. Лихачев рассматривает вопрос о знаках глубже и шире, однако одна историографическая деталь проработана Н. П. Бауером более четко. Речь идет о приоритете А. А. Куника, который первым истолковал «загадочную фигуру» как лично-родовой юридический знак (с. 41).

В первой трети XI — начале XII в. на смену дирхаму приходит (в более ограниченном количестве) западноевропейский денарий. Соответственно, денежный счет времен Пространной Правды переориентирован уже на эту денежную единицу и на ее весовые нормы. С этого времени, по Н. П. Бауеру, денежно-весовые системы русского Средневековья, включая стандарты серебряных слитков, отмечены преимущественным влиянием нескольких изменчивых весовых единиц западного происхождения. При этом весовая норма варяжской марки, согласно выкладкам ученого, благополучно доживает в Новгороде до 1447 г. (с. 446).

Сложные математические вычисления, использовавшиеся Н. П. Бауером, не могут рассматриваться как неопровержимые доказательства его выводов. Возможность однозначных решений оказывается под вопросом в связи с тем, что разнообразные и изменчивые денежно-весовые нормы Средневековья вырастают на почве менее вариативных античных. Н. П. Бауер отмечает «близость иракского фунта к фунту Карла Великого», пишет о «происхождении скандинавской весовой марки из Византии» (с. 191). Все же его объяснение отличий денежно-весовых систем первых веков русской истории, отразившихся в Краткой Правде, от денежного счета Пространной Правды заменой дирхама как наиболее распространенной монеты более легким западноевропейским денарием представляется наиболее простым, логичным и обоснованным.

Исключительная эрудиция и добросовестность Н. П. Бауера иногда заставляли его приводить данные, с трудом согласующиеся с его построениями. На с. 282 мы читаем об одинаковом весе гривны и марки, хотя на с. 278 сообщается, что новгородский кусок в 1409 г. был тяжелее штуки серебра. На с. 285 выясняется, что рижская штука серебра была в 1407 г. на ползолотника тяжелее полощкой. На с. 294 мы узнаем, что «рижская марка до недавнего времени оставалась загадкой». Те весовые нормы, которые Н. П. Бауер использует в своих подсчетах в роли эталонов, были порой неточно определенными и, безусловно, изменчивыми.

Метрологические выкладки Н. П. Бауера (включающие острую полемику с его выдающимся предшественником И. И. Кауфманом) вызывали подозрительность исследователей, стремившихся продемонстрировать свою верность господствующим идеологическим установкам. Несмотря на то что глава, написанная для первого тома «Истории культуры древней Руси» Н. П. Бауером, была опубликована под чужим именем (Б. А. Романова), проницательный рецензент, А. Л. Монгайт, сумел распознать источник, откуда в издание проникли «чуждые» взгляды. «Расчеты веса заимствованы из работы Н. П. Бауера, нумизмата-норманиста, искусно подтасовывавшего факты, чтобы доказать происхождение русской монетной системы и веса из норманнской» [Монгайт] (с. СХІХ). Безусловно, в истории русских денежно-весовых систем много спорного и неясного. Но попытка ошельмовать покойного исследователя с помощью политизированных аргументов не делает чести рецензенту. И конечно, научная значимость

суждений Н. П. Бауера как специалиста в области нумизматики и метрологии заслуживает большего доверия, чем конъюнктурная критическая реплика А. Л. Монгайта.

Необходимо отметить большую роль Н. П. Бауера в приобретении Эрмитажем и дальнейшем изучении крупнейшего в Восточной Европе клада западноевропейских монет X–XI в. (1934, д. Вихмязь Ленинградской обл.). Клад насчитывает 13 398 монет (в том числе 53 восточного происхождения) и весит 13 кг. Большая часть монет клада были определены Н. П. Бауером, однако в позднейших публикациях его участие в изучении комплекса не упоминается. По мнению П. Г. Гайдукова, клад заслуживает монографического издания, основой которого должен стать каталог-инвентарь, составленный Н. П. Бауером в 1935 г. (с. XVIII).

В главе, посвященной так называемому «безмонетному периоду» (XII – первая половина XIV в.), рассматриваются в первую очередь серебряные слитки, систематизации и метрологическому изучению которых Н. П. Бауер уделял самое пристальное внимание. Специальный параграф главы посвящен обращению слитков неопределенной формы и неустановленного веса. Очевидно, в качестве платежных средств они могли приниматься только на вес. Далее автор рассматривает нормы, использовавшиеся для слитков фиксированного веса, и находит им соответствие на Западе. Любопытно, что такой вдумчивый и внимательный исследователь, как Н. П. Бауер, практически не проявляет интереса к довольно многочисленным слиткам с надчеканками (нередко сходным с монетными штемпелями), а также к слиткам с надписями-граффити и нарезками. Последние могли иметь счетный характер. Они были впоследствии интересно интерпретированы М. П. Сотниковой [Сотникова, 1957]. Благодаря ее статье стали понятнее скудные летописные сведения о произошедшем в середине XV в. в Новгороде возмущении, вызванном недовольством деятельностью мастеров, чеканивших монеты, и литейщиков, отливавших платежные слитки.

Уже говорилось о том, что крупная работа Н. П. Бауера, посвященная слиткам, была опубликована по-немецки. В отличие от ряда других немецкоязычных публикаций ученого, этой работе «повезло». Книга была опубликована на русском языке в 2011 г. [Бауер, 2011] и переиздана в 2013 г. Н. А. Ханом (к последнему изданию прилагается диск с электронной версией) (с. XC, XCI, 602, 603). Предисловие к книге вышло с подписями Н. А. Хана, В. А. Калинина и М. П. Сотниковой. Впоследствии двое последних заявили, что отношения к этому изданию не имеют. Указанный в качестве рецензента А. Н. Назаренко также сообщил П. Г. Гайдукову, что книга была издана до получения Н. А. Ханом его отзыва и ни одно из сделанных замечаний не было учтено. В опубликованном по этому поводу письме М. П. Сотниковой говорится: «Читатели найдут в тексте книги (нередко не только корявом и изумляюще непонятном, но местами и абсолютно бессмысленном) столько орфографических, синтаксических и стилистических ошибок даже в русском языке переводчика и комментатора, что Н. П. Бауер просто не узнал бы своей работы в этом виде. А разобравшись, не разрешил бы печатать этот издательский перевод» [Сотникова, 2011]. Представляется, что научному сообществу следует задуматься, как избежать повторения подобных ситуаций в дальнейшем.

Глава о «безмонетном периоде» завершается разделом, посвященным меховым ценностям. Отношение к последним, на мой взгляд, у Н. П. Бауера осталось не вполне отчетливым. В историографическом разделе он предстает непримиримым противником «кожаной теории». Однако вся его аргументация убедительно опровергает только представления о бытовании на Руси неких кожаных суррогатов, имевших не товарную, а кредитную стоимость. Нельзя не отметить, что использование на Руси подобных платежных средств отмечено несколькими иностранными путешественниками, обычно писавшими о торговле давно минувших времен (с. 325, 326). Между тем возможности обращения в Средневековой Руси кредитных денег противоречат факты обостренной реакции общества на малейшие подозрения в появлении на рынке неполноценной или неполновесной монеты. Что касается использования полноценной (товарной) пушнины для крупных платежей (уплаты дани, приобретения земельных участков), то подобная практика известна как в свидетельствах древнейшей части Повести временных лет, так и в актовом материале позднейшего времени. И конечно, трудно отрицать связь с видовыми названиями пушных зверей таких наименований платежных единиц, как «куна», «бела», «веверица», «векша», «мордка кунья».

В главе, посвященной эпохе собирания русских земель вокруг Москвы, описывается возрождение чеканки собственной монеты на Руси. Автор справедливо указывает на то, что она начинается с изготовления подражаний золотоордынским монетам. Влияние Востока на денежное обращение эпохи документируется появлением в это время таких номиналов, как «денга», «алтын», «пул». Однако, согласно метрологическим выкладкам Н. П. Бауера, ордынские весовые стандарты использовались в дальнейшем только в Рязанской земле. Исследователь остерегался делать какие-либо заключения о хождении татарских монет на Руси до подготовки исследования топографии находок золотоордынских монет. Он планировал проделать эту работу в 1942 г.

Н. П. Бауер пишет о том, что Великое княжество Московское быстрыми темпами снижало вес своей денги, между тем как новгородские власти сознательно дистанцировались от подобной экономической политики. Чеканка монеты в удельный период была отмечена присущим эпохе феодальной раздробленности плюрализмом, во многом обусловленным политическим соперничеством. Метрологическое изучение русских монет удельного периода сильно затруднено вариативностью веса монет, относящихся к одному и тому же номиналу и отчеканенных в рамках одной эмиссии. Этот феномен был обусловлен примитивностью производства монет. Несмотря на подобные затруднения, Н. П. Бауеру впервые удалось достигнуть в этой области значительных результатов благодаря тому, что он начал систематически взвешивать значительные серии монет из собрания Эрмитажа. Фрагментарные сведения письменных источников позволяют составить представление о нескольких денежных системах, о соотношении московского и новгородского рублей, о терминологии, отражающей денежные и весовые единицы, о названиях чужеземных денежных единиц, встречающихся в русских источниках. Подборка древнерусских письменных источников, в которых упоминаются денежные единицы или приводятся сведения об их системах и соотношениях, отличается в рассматриваемой работе исключительной полнотой. Можно сказать, что филологическая и лексикологическая составляющие историко-нумизматического исследования Н. П. Бауера подготовлены на высочайшем профессиональном уровне. Используемые им свидетельства иностранцев о древнерусском денежном обращении до его работы никем в научной литературе в таком объеме не привлекались.

Фототаблицы, включенные в работу Н. П. Бауера, носят чисто иллюстративный, выборочный характер. Они адресованы скорее историку, недостаточно знакомому с нумизматическим материалом. Более обильный и более представительный материал, а также более качественные воспроизведения можно найти в специальных нумизматических публикациях, преимущественно дореволюционных.

Публикация рукописи диссертации Н. П. Бауера - весьма отрадное событие. Она не только возвращает ее автору законное место в истории отечественной науки. Книга Н. П. Бауера является великолепным образцом старой академической науки; в отличие от большинства современных нумизматических работ, посвященных преимущественно определениям и каталогизации или анализу и топографии кладов и отдельных находок, она может рассматриваться как комплексное историко-нумизматическое исследование не кладов и музейных собраний, а динамики денежного обращения, созданное автором, имевшим солидную историко-филологическую подготовку. Не хотелось бы, чтобы Н. П. Бауер фигурировал в отечественной историографии как последний исследователь такого склада и уровня.

Что же нового вносит публикация рукописи Н. П. Бауера в отечественную нумизматику сегодняшнего дня? Часть ответов на этот вопрос изложена выше. Суммируя свои впечатления, считаю, что филологические разработки Н. П. Бауера, его аналитическая сводка сведений древнерусских письменных источников о денежных единицах и системах может считаться на сегодняшний день наиболее полной и фундаментальной. То же и в еще большей степени касается и собранных им сведений западноевропейских авторов о древнерусских денежных системах, а также о тех западных денежно-весовых системах и нормах, знакомство с которыми жизненно необходимо исследователям древнерусских материалов. Наряду с положениями, которые автор обосновывает с соблюдением требования предоставления «необходимой и достаточной» аргументации (конечно, в рамках известного в его время материала), в работах Н. П. Бауера мы порой встречаемся с положениями, обоснованными недостаточно, а иногда даже догадками. В случае, когда подобные построения высказываются исследователями менее высокого ранга, с более ограниченным кругозором и эрудицией, мы вправе пренебрегать этими суждениями. Но

если это предположения ученого такого уровня, такого знатока материала, как Н. П. Бауер, то мы можем охарактеризовать их его же словами, сказанными по поводу другого исследователя: «очень интересная догадка, так как она сделана очень сведущим человеком» (с. 84).

Диссертация Н. П. Бауера представляет собой не только научный труд, но и памятник эпохи. Соответственно, перед издателями возникает возможность и даже необходимость сопроводить публикацию дополнительными материалами и комментариями. Обратимся к этим дополнениям.

Книга открывается очерком, посвященным жизни и деятельности Н. П. Бауера, написанным одним из крупнейших специалистов по древнерусской нумизматике, членом-корреспондентом РАН П. Г. Гайдуковым, известным также как опытный библиограф, неоднократно публиковавший разнообразные материалы и исследования по истории науки.

Этот очерк носит фундаментальный характер. Его автор успел собрать важную информацию от людей, лично знавших Н. П. Бауера как ученого и человека, встречался с его родственниками, проработал большое количество опубликованных работ, а также архивных материалов. Все это отражено как во вступительной статье, так и в подобранных П. Г. Гайдуковым приложениях и редакторских комментариях.

В конце вступительной статьи выделен раздел, который можно было бы с полным основанием назвать «Обоснование текста». Он информирует читателя, сколько машинописных копий рукописи сохранилось, почему за основу публикации выбрана копия с дополнениями автора; в нем излагаются принципы воспроизведения текста и оформления справочного аппарата. В подобном издании такой раздел совершенно необходим; сведения изложены четко и ясно.

Статья, посвященная Н. П. Бауеру, написана подробно и добротнo. Тем не менее к ней и к другим дополнениям биографического плана возникает ряд вопросов. Вопросы не к данному изданию, которое можно только приветствовать, а к следующим томам серии: можно ли принять эту книгу за образец или нужно думать о том, как в дальнейшем следует совершенствовать подобные издания?

После статьи П. Г. Гайдукова помещена дополняющая ее публикация С. О. Андросова «Из семейной хроники» (с. СХХI–СХХIV). От непосвященного читателя требуется известное умственное усилие, чтобы понять, что С. О. Андросов — это внук Н. П. Бауера по прямой мужской линии, имеющий все основания носить фамилию Бауер. Очевидно, в силу обстоятельств он или его родители были вынуждены или предпочли дать ребенку другую фамилию (матери?). Однако современный читатель имеет полное право не знать обстоятельств давно прошедшей эпохи и не заниматься подобными умозрительными реконструкциями. В данном случае было необходимо с самого начала пояснить, кто является чьим сыном и внуком и каковы могли быть причины смены фамилии (претензия, конечно, не к С. О. Андросову).

Известно, что молодой Н. П. Бауер первоначально планировал исследовать политические движения в Германии XIX в. В следственном деле Н. П. Бауера сохранились показания В. И. Равдоникаса, что во время Первой мировой войны Н. П. Бауер находился в Германии и собирал в архивах материалы по этой теме (с. LXXIX, примеч. 10). Если это соответствует действительности, то перед нами весьма важный факт биографии ученого. Однако другие данные, его подтверждающие, пока не обнаружены. Поэтому свидетельство В. И. Равдоникаса оправданно оказалось «спрятанным» в сноске к вступительной статье.

Во вступительной статье, на мой взгляд, наличествует избыточная информация, то, что прямо не относится к научной биографии Н. П. Бауера и может быть найдено в других, специальных публикациях. Это детальное описание боевых операций на Ленинградском фронте, страданий населения, попавшего в кольцо блокады (с. XLVIII–LI).

В биографии Н. П. Бауера невозможно обойти молчанием ее печальное завершение — арест и расстрел. Но уделять этому чрезмерное внимание, на мой взгляд, нет необходимости. В те годы многим выпадала такая же судьба, многим пришлось перенести не менее тяжелые страдания. В книге, посвященной публикации научного наследия ученого, все это должно занимать более скромное место. Достаточно сказать, что он был арестован, указать, по какому обвинению, признавал ли себя виновным, какой смертью умер и был ли реабилитирован. Книга Н. П. Бауера издается не потому, что он, подобно многим, незаслуженно пострадал, а потому, что это был крупный исследователь, неопубликованное наследие которого не потеряло своей научной ценности. Да, неблагоприятные обстоятельства наложили

определенный отпечаток на научную продукцию Н. П. Бауера. Но при этом нет никаких оснований просить читателя о снисходительности. Н. П. Бауер создал научный труд высочайшего уровня и оформил его в лучших традициях академической науки. Если бы ему было суждено подготовить свою рукопись для печати, вероятно, большинство имеющихся в ней погрешностей и шероховатостей, неизбежных во всякой крупной работе, было бы устранено им самим.

Написанные рукой Н. П. Бауера «Собственноручные показания подсудимого» представляют собой ценнейший материал для его биографа. В них, в частности, много говорится о его служебной и научной карьере и о трудностях, которые ему приходилось преодолевать. Однако в полном виде опубликовать этот замечательный человеческий документ в рецензируемой книге я бы не стал. Тем более что он уже был один раз опубликован П. Г. Гайдуковым в другом издании [Гайдуков, 2003] (с. СХVII, примеч. 417). Достаточно было вставить более или менее обширные цитаты из этой исповеди-автобиографии Н. П. Бауера во вступительную статью. Но эти цитаты там уже имеются (см. с. LIV и 592, LVIII, LIX и 593). В книге многократно дублируются значительные отрывки из других документов, вынесенных в приложения (с. XIII и 576, XVII и 538, XXI и 542 и др.). На мой взгляд, это nepозволительная и неоправданная роскошь. Если некий текст опубликован в приложении, то в других местах той же книги допустимы только сноски на приложение. В самом крайнем случае — предельно краткие цитаты.

Грустно находить в показаниях Н. П. Бауера такие самоуничижительные характеристики, как «мой шкурнический, эгоистический мысли», он пишет о своей «озлобленности, недостойной и детской», признается в «клевете», «брюзжанье, болтовне». Современный человек с трудом может представить себе положение тогдашних арестованных, оказываемое на них давление. Неизвестными остаются и конкретные обстоятельства со всеми деталями. Н. П. Бауер перечисляет ряд лиц, с которыми он вел вменяемые ему в вину «криминальные» разговоры. Многие из них к тому времени уже умерли или были арестованы (традиционная уловка арестантов на допросах). Но Н. П. Бауер называет также многих еще живых, находившихся на свободе. «Заложил» ли он кого-то, пытаясь облегчить собственную участь? Это остается неясным. Может быть, он включил в этот список только тех, кто писал на него доносы, и тех, о ком донесли другие или кто повинился сам. Вероятно, в этом вопросе можно разобраться, ознакомившись со следственным делом. Но при чтении текста показаний вопрос остается без ответа. Публикация документа может возбуждать подозрения, бросающие тень на память крупного ученого. При подготовке книги можно было ограничиться воспроизведением этого текста с небольшими купюрами или цитированием крупных фрагментов во вступительной статье.

Не уверен, что читатель особенно заинтересуется публикуемыми письмами Н. П. Бауера к А. В. Орешникову. Из них мы узнаем, что Н. П. Бауер относился к А. В. Орешникову с глубоким почтением и симпатией. В переписке много места уделено науке, научным спорам, поискам возможностей ознакомиться с теми или иными коллекциями, наконец, о подготовленных научных работах и попытках их напечатать. Содержание писем банальное и ничего не прибавляет к характеристике участников переписки. Обо всем этом можно было написать несколько строчек и сослаться на архивные собрания, в которых можно найти эту переписку.

Включенные в приложение отзывы на работы Н. П. Бауера отмечены краткостью и практически не содержат полемики по конкретным вопросам. Поэтому их нельзя считать необходимыми в подобном издании. Важно, что исследования Н. П. Бауера высоко оценивали такие известные ученые, как А. А. Ильин, С. Н. Валк и И. М. Гревс, но об этом достаточно упомянуть в предисловии, со ссылками на архивные дела.

Среди приложений одно поражает своей необычностью. Это автобиография приговоренного к расстрелу Н. П. Бауера, написанная им по-немецки (с. 593—595). Было ли написание таких документов на иностранном языке в те времена общим правилом (хотя бы для этнических немцев)? Не свидетельствует ли этот документ о том, что и в рядах НКВД кто-то готовился к вступлению немцев в Ленинград?

Первый раздел приложений завершает список опубликованных работ Н. П. Бауера. В подобной посмертной публикации такой список совершенно необходим. Представляется, что для русскоязычного читателя был бы желателен русский перевод названий всех работ Н. П. Бауера, опубликованных на иностранных языках. На с. XVI предисловия находим сведения о написанных Н. П. Бауером «научно-популярных очерках об античных и средневековых монетах». Они не публиковались? Их рукописи

сохранились? К списку научных публикаций Н. П. Бауера следовало приложить список публикаций об ученом.

Библиография к основному тексту разделена на две части. Большая, вторая, повторяет библиографию, составленную самим Н. П. Бауером, в которую вставлены помеченные особым образом дополнения редактора. Причины, по которым ряд работ оказался в этом списке, а не в дополнительном библиографическом разделе, не всегда понятны. Этот отдельный раздел называется «Приложение II. Основная литература по средневековой русской нумизматике, изданная после написания книги Н. П. Бауера». Приложение структурировано по тематике: «Общие работы», «Историография русской нумизматики», «Обращение восточных монет», «Обращение византийских монет», «Русские монеты X–XI вв.», «Обращение западных монет», «Обращение пражских грошей», «Платежные слитки», «Русские монеты XIV – начала XVI в.», «Денежно-весовые системы. Денежный счет», «Волжская Булгария», «Золотая Орда», «Финляндия, Прибалтика, Беларусь, Польша», «Библиографические указатели». Это приложение – весьма ценное дополнение к монографии Н. П. Бауера, очень полезное для нумизматов и историков.

Казалось бы, в издании с таким мощным библиографическим аппаратом все цитируемые в книге публикации должны были войти в эти списки. Но это, на мой взгляд, обязательное требование не соблюдено. «За бортом» обоих библиографических списков остался ряд публикаций, цитируемых во вступительной статье, имеющей римскую пагинацию. Думается, что редакторам и издателям следовало об этом подумать и включить в дополнительный библиографический список раздел «Прочие публикации, цитируемые в этом томе». Аналогичным образом некоторые лица, упоминаемые во вступительной статье, отсутствуют в имеющемся в конце книги именном указателе. Поэтому в список не попали имена многих известных ученых, но наличествует соседка Н. П. Бауера М. С. Матвеева. Отсутствует в именном указателе предшественник Н. П. Бауера в деле каталогизации византийских монет эрмитажного собрания М. И. Броссе, упомянутый в предисловии (с. XXVIII). Нет в нем и упомянутого на той же странице шведского историка Норстрёма, для которого Н. П. Бауер составлял список находок византийских монет, обнаруженных в России и Прибалтике. Остается также неясным, воспользовался ли скандинавский ученый материалами, посланными ему российским коллегой.

В библиографии следовало обновить или продублировать ссылки на некоторые важные источники, которые были позднее переизданы в более солидных и более доступных изданиях. Это касается, в частности, Новгородской первой летописи, Псковских летописей, грамот Новгорода и Пскова, а также книги С. Герберштейна.

Публикуя основной текст Н. П. Бауера, издатели сохранили постраничную систему сносок, однако вместо названий работ решили помещать только фамилию автора и год издания. Это не совсем удачно, поскольку в тексте, особенно в его объемной историографической части, фигурирует множество малоизвестных, устаревших работ. Читателю было бы проще понять, о чем идет речь, прочитав название работы, а не обращаться каждый раз к библиографическому списку. Нумерация сносок на каждой странице своя, причем редакторские сноски отмечены, в отличие от авторских, фигурной скобкой. Но кроме этих сносок имеются еще другие, со звездочкой. Это редакторские примечания, вынесенные в конец книги и имеющие собственную сплошную нумерацию. Таким образом, пользование справочным аппаратом сопряжено со значительными трудностями. Полагаю, что сложности, стоявшие перед издателями, можно было решать по-другому. Представляется, что сочетание в одной книге постраничных и концевых сносок – неудачное (хотя и встречающееся) решение. Вместо звездочек и фигурных скобок, производящих странное впечатление, можно было использовать отступ, другой кегль, шрифтовые выделения (полужирный, курсив).

Книга не лишена ряда издательских погрешностей. Среди них опечатки при передаче латинских слов – «reкупia» вместо «rescupia» на с. 12, «marka denario gum» вместо «denario gum» на с. 257. Фамилия известного немецкого нумизмата А. Зуле (Suhle) на с. XXVI передана как «Zule». На с. 525, примеч. 235* допущена грубая ошибка (на столетие) в датировке княжения Дмитрия Донского. В ряде случаев редакторам следовало сопроводить иноязычные тексты русским переводом (см. с. 92, примеч. 1; с. 176, примеч. 7; с. 273, примеч. 1 и 3; с. 344, примеч. 3; с. 345, примеч. 1–5 и др.).

Есть неточности и во вступительной статье. На с. IX находим «германский» вместо «немецкой», на с. XVII «литературные источники» вместо «письменные» или «исторические». На с. LIX утверждается, что Н. П. Бауер не был коллаборационистом. Но он им и не мог быть, поскольку не находился на оккупированной территории. Известный археолог и искусствовед В. Д. Блаватский фигурирует в именном указателе как «Блавацкий» (с. 660).

В некоторых случаях не сразу удастся понять редакторские примечания. На с. 504, примеч. 38*: «Если исходить из фунта в 409,512 г, то вес фрагментов дирхамов, содержащихся в нем (кладе), при переводе в метрическую систему составит 5733,168 г» (примеч. А. А. Гомзина). Как понимать эту фразу? Неужели во второй половине XIX — первых десятилетиях XX в. в России могли применяться для взвешивания драгоценных металлов фунты, различавшиеся по весу? Очевидно, смысл примечания в том, что Н. П. Бауера удалось «уличить» в ошибке на 7 г (1 промилле с небольшим от общего веса фрагментов).

Орехи в авторском тексте Н. П. Бауера, очевидно, перекочевали в издание из рукописи. Все же многие из них следовало устранить. На с. 30 упоминается «Распространенная Правда». В научной литературе используется название «Пространная». На с. 60 — «покупная способность» вместо общепринятого «покупательная». На с. 63 находим «в нови» вместо «внове». Там же «ничтоже сумняшись» вместо «сумняшесь». На с. 82 «более детальнее». На с. 110 при характеристике средневековой чеканки монеты упоминается «печатный станок» (!). На с. 147 используется неизвестное в русском языке географическое название Остальбия (земли к востоку от Эльбы). На с. 165 упоминается «непримиримость понятия» (очевидно, неприменимость). На с. 206 и далее место находки известного клада указано как «Вихмес» вместо «Вихмязь». На с. 210 упомянуты «раскопки денариев в могильниках» (!). На с. 239 «евангелический» вместо «евангельский». На с. 242, примеч. 5 «голова жне» (на самом деле одно слово). На с. 334 то «контрамарка», то «контрмарка» (по отношению к монетам последнее более правильно). На с. 343 фигурирует «скалка (!) для точки кос» (вероятно, брусок). На с. 347 и далее иногда, в цитатах, слова «резана», «новгородка» и др. набраны с прописной буквы (используемой непоследовательно). На с. 399 наряду с правильным «любекский» встречается «любецкий». На с. 414 фигурирует князь «Коловский» (Козловский). Этими примерами не ограничивается список бросающихся в глаза опечаток и неправильных словоупотреблений, встречающихся в тексте. В солидных академических изданиях желательно сводить подобные погрешности к минимуму.

Странно выглядят сноски на сочинение византийского императора Константина VII Багрянородного: (Багрянородный К. — см. с. 143, примеч. 1). Вместе с тем в именном указателе некоторых персонажей нужно разыскивать не по фамилиям, а по именам. В тексте автор неоднократно обращается к счетам вдовы Реммелинкреде, но отыскать ее в указателе можно только на букву «Г», по имени мужа (Готшалк). В тексте Н. П. Бауера нередко используется дореволюционная географическая номенклатура (в частности, для Финляндии и Прибалтики). Читатели могут не знать, что Пярнов это современный Пярну, а немецкому названию реки Эмбах соответствует эстонское Эмайыги. Для специалистов-нумизматов, которым понадобится отыскивать пункты находок на карте, подобные пояснения могли бы быть полезны. Полагаю, что в авторском тексте можно было сохранить старые названия, но в таком случае нужно было поместить в конце книги географический указатель, где были бы указаны также современные названия.

Иллюстративный материал, опубликованный в книге, представляется в основном вполне уместным. Пожалуй, можно было бы сократить количество воспроизведений машинописных текстов и автографов Н. П. Бауера. Некоторое недоумение вызывает рис. 11 на с. XL (фото поэтажного указателя номеров квартир в доме, где жил ученый). Карта 5 на с. 200—201 помещена на развороте, причем в правой части левой страницы представлены те же территории, что и на левой части правой страницы. При этом на обеих половинах карты помещена «линия отреза», ясно показывающая, что нужно было срезать при подготовке к публикации. Отмеченные на карте пункты не сопровождаются номерами, которые могли бы значительно облегчить пользование ею.

Ряд указанных выше недочетов, главным образом издательского характера, напоминает нам, что, приступая к академическому изданию публикаций подобного плана, мы должны отдавать себе отчет в том, что в отличие от советских времен, когда, скажем, в издательстве «Наука» трудился значительный штат научных редакторов и корректоров, сейчас многим издательствам на это не хватает средств.

Представляется, что ответственным редакторам таких изданий, а также учреждениям, под грифом которых они осуществляются, следует задуматься над тем, как выходить из этого положения.

В заглавии вступительной статьи к рассматриваемой книге П. Г. Гайдуков называет Н. П. Бауера «Последним нумизматом в области русской истории» (с. V). Именно так охарактеризовал себя Н. П. Бауер в последние дни своей жизни. Подобные пессимистические взгляды на тогдашнее состояние науки и перспективы ее развития неизбежно складывались у представителей старой школы, имевших за плечами дореволюционное гимназическое и университетское образование. В своих показаниях Н. П. Бауер писал: «Меня... всегда возмущали обвинения в нежелании научить молодое поколение своей специальности... Меня считали повинным в этом, так как я фактически никого себе на смену не приготовил настоящим образом... Мне не удавалось найти никого, который соответствовал бы требованиям, которые я бы мог предъявить как ученый» (с. 585).

При жизни Н. П. Бауер, действительно, оставался «последним в своем роде» специалистом. Никто кроме него не смог бы в то время написать полноценный раздел о денежном обращении для «Истории культуры Древней Руси». И даже после его расстрела перепоручить это задание было некому.

И все же перспективы развития отечественной нумизматики оказались не столь беспросветными. Нумизматические исследования, отмеченные отчетливо выраженным историзмом, не прекратились после смерти Н. П. Бауера. Уже в 1955 г. появляется замечательная работа В. Л. и С. А. Яниных «Начальный период рязанской чеканки» [Янин, Янина], а в следующем, 1956 г. была опубликована новаторская кандидатская диссертация В. Л. Янина [Янин], посвященная древнерусским денежно-весовым системам. Ученик Н. П. Бауера, И. Г. Спасский, публикует свод такого сложнейшего материала, как «ефимки с признаками» [Спасский], а затем, совместно с М. П. Сотниковой издает на двух языках капитальное исследование древнейших русских монет [Сотникова, Спасский; Sotnikova, Spasski]. Здесь же отметим монументальные своды П. Г. Гайдукова по русским монетам удельного периода, а также XVI–XVII в. [Гайдуков, 1993; Гайдуков, 2006]⁶. Академическое историко-нумизматическое научное направление, блестящим представителем которого был Н. П. Бауер, нашло своих достойных продолжателей, список которых не ограничивается перечисленными именами.

Оценивая в целом вышедшую книгу, следует сказать, что отмечаемые недочеты носят сугубо частный, нередко — чисто технический характер. Публикация, пусть сильно запоздалая, замечательной книги Н. П. Бауера — радостное событие для нумизматов, историков и археологов. Колоссальная работа по сбору материалов о Н. П. Бауере, подготовке к печати его основного труда с современными высокопрофессиональными комментариями и дополнениями, проведенная П. Г. Гайдуковым и его помощниками, вызывает глубокое уважение и признательность.

Литература

- Бауер Н. П. Bauer N. Die russischen Funde abendländischer Münzen des 11 und 12 Jahrhunderts: Автореферат // Проблемы истории докапиталистических обществ. Л., 1935. № 9–10. С. 235–242.
- Бауер Н. П. Слитки серебра и золотые слитки русского средневековья (археологическое исследование). Ч. 1. (1929). Ч. 2. (1931). Монография / Пер. с немецкого М. П. Сотниковой и Н. А. Хана; Предисловие В. А. Калинина, М. П. Сотниковой и Н. А. Хана. М., 2011.
- Гайдуков П. Г. Медные русские монеты конца XIV–XVI веков. М., 1993.
- Гайдуков П. Г. Николай Павлович Бауер (к 60-летию со дня смерти) / Приложение: Собственноручные показания обвиняемого Бауера Николая Павловича, 1942, 16 августа // Нумизматический сборник ГИМ. М., 2003. Т. XVI. С. 390–400.
- Гайдуков П. Г. Русские полуденги, четвертцы и полушки XIV–XVII вв. М., 2006.
- Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991.
- Зув В. Ю. Материалы к биографии М. И. Ростовцева // Скифский роман. М., 1997. С. 213–217.
- Лихачев Н. П. Избранные труды. Т. I. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. М., 2014.
- Мансикка В. Й. Религия восточных славян / Отв. ред. В. Я. Петрухин и С. М. Толстая. М., 2005.
- Монгайт А. Л. Рец. на кн.: История культуры Древней Руси. Т. I. Домонгольский период. Материальная культура / Под ред. Н. Н. Ворониной, М. К. Каргера и М. А. Тихановой. Изд-во АН СССР. М.—Л., 1948 // Вестник АН СССР. 1949. № 6. С. 147.
- Орешников А. В. Рец.: Н. Бауер. Древнерусский чекан конца X и начала XI в. / Известия ГАИМК. Т. V. Л., 1927 // Seminarium Kondakovianum. II. Prague, 1928. P. 365–366.

⁶ См. рецензию на эти книги: [Чернецов, 2008].

- Романов Б. А. Деньги и денежное обращение // История культуры Древней Руси. Домонгольский период. Т. I. Материальная культура [Глава 9] / Под ред. Н. Н. Воронина, М. К. Каргера и М. А. Тихановой. М.; Л., 1951. С. 370–396.
- Ростовцев М. И. Общество и хозяйство в Римской империи. В 2-х томах. М., 2000. Т. I; М., 2001. Т. II.
- Рыбаков Б. А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X–XII вв. // Советская археология. М.; Л., 1940. Вып. VI. С. 227–257.
- Сотникова М. П. Из истории обращения русских серебряных слитков Великого Новгорода XII–XV вв. (дело Федора Жеребца 1447 г.) // Советская археология. 1957. № 3. С. 54–59.
- Сотникова М. П. К сведению читателей // Петербургский коллекционер. 2011. № 5 (67). С. 51.
- Сотникова М. П., Спасский И. Г. Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X–XI вв. Л., 1983.
- Спасский И. Г. Талеры в русском денежном обращении 1654–1659 годов. Сводный каталог ефимков. Л., 1960.
- Чернецов А. В. Трезвое и строгое научное изображение русского язычества // Живая старина. 2006. № 2. С. 51–52.
- Чернецов А. В. Важный вклад в изучение нумизматики средневековой Руси (рец. на книги: Гайдуков П. Г. Медные русские монеты конца XIV – XVI веков. М., 1993; Гайдуков П. Г. Русские полуденги, четверетцы и полушки XIV–XVII вв. М., 2006) // Российская археология. 2008. № 1. С. 164–169.
- Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956.
- Янин В. Л., Янина С. А. Начальный период рязанской монетной чеканки // Нумизматический сборник. Т. I. / Труды ГИМ. М., 1955. Вып. XXV. С. 109–123.
- Bauer N. Die russischen Funde abendländischer Münzen des 11 und 12 Jahrhunderts // Zeitschrift für Numismatik. Berlin, 1929. Bd. 39. S. 1–187; Berlin, 1930. Bd. 40. S. 188–210.
- Bauer N. Die Silber- und Goldbarren des russischen Mittelalters: Eine archäologische Studie. Erster Teil // Numismatische Zeitschrift / Hrsg. von der numismatischen Gesellschaft im Wien. N. F. Wien, 1929. Bd. 62. S. 77–120; Zweiter Teil. Ibidem. Wien, 1931. Bd. 64. S. 61–100.
- Bauer N. Nachträge zu den russischen Funden abendländischer Münzen des 11 und 12 Jahrhunderts // Zeitschrift für Numismatik. Berlin, 1935. Bd. 42. S. 153–173.
- Kovalev R. K. Grand Princess Olga of Rus' Shows the Bird: Her 'Christian Falcon' Emblem // Russian History. Leiden, 2012. Vol. 39. P. 460–517.
- [Le Clerc N.-G.] Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie ancienne. Par M. Le Clerc. Paris, 1783. Tome second.
- Mansikka V. J. Die Religion der Ostslaven. I. Quellen // Folklore Fellows Communications. Helsinki, 1922. № 43.
- Sotnikova M. P., Spasski I. G. Russian Coins of the 10th–11th cent. AD // British Archaeological Reports (BAR) International series 136. Oxford, 1982.
- Zelenin D. Russische (Ostslavische) Volkskunde. Berlin und Leipzig, 1927.